

чее, желание сохранить гармошечное мастерство, былое стремление «играть на музыки на всякие».

Литература и примечание

1. Новосельский А. А. Книга о гармонике. М.; Л., 1936; *Благодатов Г. И.* Русская гармоника: очерк истории инструмента и его роли в русской народной музыкальной культуре / под ред. Ф. А. Рубцова. Л., 1960; *Мирек А. М.* Гармоника. Прошлое и настоящее. Научно-историческая энциклопедическая книга. М., 1994; *Смирнов Б. Ф.* Искусство сельских гармонистов / под общ. ред. С. В. Аксюка. М., 1962; *Лондонов П. П.* Самоучитель игры на двухрядной гармонике-хромке. М., 1974; *Лапин В. А.* Наигрыши на гармонике-хромке П. В. Черемисова. Новгород, 1983; *Банин А. А.* Русская инструментальная музыка фольклорной традиции. М., 1997; *Имханицкий М. И.* История исполнительства на русских народных инструментах. М., 2002.

2. Полевая запись автора (далее – ПЗА) в 1990-х гг. Хут. Ильменский-1 Михайловского муниципального р-на Волгоградской обл. Информаторы (далее – Инф.) Лежнева М. Г., 1914 г. р.; Михайлова М. П., 1913 г. р.

3. *Апраксин В. А.* Казачья старина: очерки. Волгоград, 2010. С. 168.

4. ПЗА, июнь 2010 г., г. Фролово Волгоградской обл. Инф. Елатонцева М. В., 1938 г. р.

5. *Перфильева К. М.* Астраханские казаки Царицынской станицы. Волгоград, 2003. С. 180.

6. *Астапенко Г. Д.* Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков XVII–XX вв. Батайск, 2002. С. 126.

7. Хут. Ильменский-1. Инф. Еремина А. М., 1907 г. р.

8. *Апраксин В. А.* Казачья старина... С. 186–187; 228.

9. ПЗА. 1989 г., ст-ца Арчединская. Инф. местный гармонист Кузнецов К. Ф., 1937 г. р.; Левина М. Е., 1913 г. р.

10. Хут. Ильменский-1. Инф. Еремина А. М.

11. Ст-ца Арчединская. Инф. Татаринцов В. А., 1936 г. р.

12. Ст-ца Арчединская. Инф. Морозова Е. С., 1925 г. р.

13. Хут. Ильменский-1. Инф. Михайлова М. П.

14. Ст-ца Арчединская. Инф. Татаринцов В. А.

S. YU. PALGOV. «AS HEARING THE ACCORDION – THE SOUL METERING»: HARMONICA IN FESTIVE AND CEREMONIAL CULTURE OF THE RURAL POPULATION OF THE DONSKOY REGION

Basing on the materials of folklore and ethnographic expeditions, the author reveals the role of an instrument in festive and ceremonial culture of the rural population of Volgograd region.

Key words: harmonica, festive culture, ceremonial culture, Donskoy region.

Л. А. МНАЦАКАНЯН

ЗВУЧАЩАЯ ТИШИНА БРЯНСКИХ ЛЕСОВ (По материалам музыкально-этнографической экспедиции 2012 года)

В статье приведена расшифровка фрагментов аудиозаписи бесед с носителями культуры восточных славян западнорусского Полесья – Брянщины, позволяющие рассматривать феномен тембра как глубинное многопараметровое и многоуровневое явление.

Ключевые слова: Брянщина, обряд, сакральное пространство, тембр, артикуляция.

Традиционное музыкальное наследие Брянщины, уникальной местности западнорусского Полесья, – редчайшая «купель» древней певческой культуры. Будучи непосредственно близко знакомым с самобытностью исследуемого региона, можно наблюдать реликты песенной обрядовой практики, бережно сохраняемые ее носителями. Слишком, к сожалению, быстро исчезающие с течением времени, эти обряды сейчас «живут» в трех направлениях. Это, во-первых, фольклорное произведение, передаваемое из рода в род и исполняемое в наши дни в условиях деревни; во-вторых – восстановленные действия; в-третьих – стилизации (слияние традиционного и авторского взгляда на раритеты обрядовой песенной культуры).

Изучение специфики и функционирования тембра в некоторых обрядах («похороны стрелы», «по-

хороны кукушки», «проводы русалок») выделено нами как особая научная проблема, до определенного времени находившаяся на периферии музыковедения. Мы полагаем, что тишину как сакральный звуковой компонент обряда можно рассматривать в ряду качественных характеристик звука – и в этом смысле говорить о *звучащей тишине*.

Брянщину называют единственным уголком русской земли, где «укрыты» языческие основы жизни наших предков. Раритеты традиционной песенной культуры этой области представляют особый интерес ввиду незамкнутости, многолетней своей открытости для ученых. Беседы с коренными жителями Брянской области имеют огромную ценность как для науки, так и для сохранения национального самосознания восточных славян. В лексике, окрашенной имманентным диалектом

коренных жителей, с особой проникновенностью и теплотой раскрывается истина, постичь которую возможно лишь погрузившись в глубинный слой рассматриваемой культуры.

В статье мы обобщим материалы экспедиции (осень 2012 г.), позволяющие прикоснуться к таинству определенных обрядов, реконструируемых по рассказам и песням коренных жителей.

Уроженка деревни Рёвны Вера Ивановна Ляленкова [1] вспоминает: «Посля войны такое было... песни, обряды. Песни забыла. Но было это. Ходили, яшню жарили. Потом идут – танцуют, поют. Я же была рябёнком. А потом уже обряды это кончались. А! Теперя таки люди-та повмэрли. Раньше пели песни, на жнива идут – поют, на покос идут – поют, а теперя никто не поёт и не танцует. Вот сюда нас прих'нали [2] в эту деревню, в этот дом. А тут никто не общается. Сячас век ня тот. А то мы слушаем, как бабки-то поют. И они говорили: “Переветься белай свет паутинаю”. Так вот, теперя прав(ы)да. Не поет никто. Теперя-то люди не общитяльня».

Крайне интересен разговор, состоявшийся 8 сентября 2012 года с Иваном Михайловичем Булаткиным [3], руководителем семейного фольклорного ансамбля «Горошины». Мы зафиксировали беседу в форме интервью, поскольку И. М. Булаткин говорит не на диалекте, а лишь употребляет отдельные диалектные формы слов (мы отметим их курсивом), хотя как носитель традиционной культуры Брянщины из поколения в поколение передает сакральное знание. Приводим его слова.

«Похороны кукушки это в нашем Жүковском районе. Сам обряд состоит из трех частей. Первая часть – собственно изготовление куклы, вторая часть – это похороны, а третья (могла быть, могла не быть) – утопление ее. В Клетнянском районе, мы там спрашивали, – там ничего подобного не было. Было только в Жүковском районе, и то не во всех деревнях: Ходиловичи, Касилово, Гришина Слобода (пограничье с Дятьковским районом, большей частью – с Дубровским районом и Смоленщиной и Калужской областью). Изготавливали куколку из тряпочек, либо из травки – *кукушкины слезки* называлась. Хоронили ее обязательно в лапте. Шли только женщины и дети, либо смешанный состав участников: женщины, девушки, дети. Мужчины в это время участвовали в другом обряде – *Зелень глядеть*. Ходили в поле, брали с собой закуски, горячительное. Катались во ржи, боролись, как они говорят, – *заваливать*. Пели песни. В Брянской традиции мужчин вообще мало поющих. Дети больше подражали. У женщин это более по-серьезному. В современном мире это, наверное, сейчас смешно, а тогда это «работало», потому что была вера! Брали сало, молоко, хлеб. Обязательно яйца. Яичница – обрядовая пища. Хоронили далеко от деревни – в поле, во ржи, около леса. По рассказам носителей традиционной культуры, самое главное, – чтобы не находили мужики. Если они находили, они откапывали, *ткапывали*, *разоряли кукушку* (*кукушка* – где как в разных сёлах). Обязательно надо было так схоронить, чтобы не нашли мужчины.

Могли даже причитать, *причитывали*, все это было очень серьезно. Когда шли – пели. Специальных песен не было, были приуроченные. В Жүковском районе не гукáli. Только Сураж, Новозыбков – вот эти юго-западные.

Просто шли и пели, хоровода не было. Если голоса хорошо спетые – трудно разобрать, сколько поют – два или один. В Жүковском районе – гетерофонная фактура, то есть идет одна линия и от нее... и обязательно сходятся в одну. Не было такого *расхода*: низ кто-то поёт, а кто-то верх, в основном – одна мелодия. Очень много обертонов. Если правильно исполняешь, то в каждом звуке слышится множество обертонов. Дело не в том, какие там слова: “*Летела кокушечка, чрез...*”, а именно в подаче, в звуке, в его тембре. Песни на самом деле поют высоко. Потом, когда они схоронили уже эту *кукушечку*, затем они начинали веселиться, обязательно выпивали, как бы поминали. Затем, после похорон *кукушки*, могли водить хороводы, могли сразу уходить к реке, чтобы то место не рассекречивать. Там, у реки, собирались с мужчинами и начиналось веселье».

На вопрос: что такое сакральное пространство в обрядах, Иван Михайлович ответил:

«Оно живет именно в звуке и перемещается вместе с участниками обряда. Именно звук должен быть правильным. Если он не такой как надо, значит, неправильно всё сделано. Бабули говорят, что если не то... Одна бабушка, помню, слушающая какой-то коллектив, не стала их слушать, сказала, что они *неправильно поют*. Пели стреловскую песню “*Конь топча...*”; она сказала: “Не так! Дело не в словах, когда обрядовая песня!” Ругалась сильно.

Хоть мы и говорим *песню рассказывать*, в первую очередь в календарных обрядах важен звук, его правильная направленность у них была – к небу, туда [показывает наверх]. Ну... это как земледельческие. Некоторые потом откапывали, это уже на Троицу, но это не обязательная часть обряда, по крайней мере, в нашем районе. *Русальных* у нас не было. *Купалы* не было. Это вот Сузёмский район, там у них были *русальные песни*, ближе к Белоруссии.

Еще на Троицу *завивали берёзку*, ну это вот такие женские обряды, *кумилась* – обменивались либо платочками, колечками, крестиками. Ну, это все женские песни. Мотив не могу вспомнить. Лучше я спою еще *духовскую песню* тоже Жүковского района. Мы её пели с ребятами, потому что, ну, как бы слова такие, её могут петь ребята, не знаю... красивая песня [смеется, затем поет духовскую песню «На коня Ванька садился»].

Пел каждый свой вариант, в этих вариантах было своё развитие, но не выходили вот из этих нескольких нот. Не выше, не ниже, никакими красотами не разбавляли. Вот как было, так и есть, и мы также стараемся ничего не приукрашивать. Могут быть варианты (из тех вариантов, которые есть), но в пределах фактуры. Красиво получается.

Затем были весёлые хороводы. В хороводах участвовали кто мог. Считается, что петь могли все. Но бабушки в Ходиловичах (ныне покойные уже) говорят: “Не все могли петь. Не всех

пускали петь. Пели только те, кто мог петь. Кто слышал и правильно выдавал звук”. По крайней мере, до войны так было. Потом уже, возможно, пели и все. В советский период жизни (19-й год, а также 30-е годы рождения) что-то могло быть утеряно. Но, как они нам говорили, не все могли петь. Так же, как на свадьбе, на похоронах только специальные люди могли петь. На похоронах духовные стихи были. Мы с “Горошиной” начинали с духовных стихов. Как-то с Гиляровой [Н. Гилярова – музыковед. – Л. М.] разговаривали... и правильно, настрой сразу правильный пошел. А многие профессора говорили, что нельзя увлекаться духовным стихом. Их *поют* только те, кто уже готовится. Духовные стихи наполнили наш внутренний мир. Как ваза – внутри... [прикладывает руки к груди] По краям все остальное».

Интересны соображения И. М. Булаткина об артикуляции.

«Не знаю, не могу сказать. В детстве не любил петь. Одиннадцать лет назад захотелось петь. Это связано со старцем, нашим духовным наставником схиеродиаконим Никодимом, все же связано с верой. Я в церкви смотрел, наблюдал мимику, вообще как бабушки поют. Вот у них вообще рот не открывается. А звук вот идет. Все с дыханием связано. В селе Высоком Жирятинского района мне попала видеокассета. Несколько ансамблей с одной деревни, моей деревни. Бабуля была там одна, нельзя разобрать было ни одного слова, мне казалось, что у неё нет неба: она пела только гласные, именно в обрядовых песнях. Согласных не было вообще. Она сидела как вкопанная, не улыбалась, не двигалась. Только посмотрела вот так... просто сидела и пела и ни на кого не обращала внимания. Все дело в тембре там было. Такое чувство, что она слов не знала. Но в песню вливалась. Очень интересно было. Вот песню вспомнил троицкую из села Овстух’ – “*Чиряз лес, чиряз поле*”. И сейчас вот что-то пока пел, пришла в голову песня... пока пел... Забыл. Мы её пели, она так нам нравилась! Вот. [Поет троицкую песню «Ах, ты, пташка, канарейка, потешай горе мое»].

Интересный был хоровод на Троицу, когда шли к реке. Назывался он “Улица”. Две деревни рядом: Овстух’ и Речица. Слова одни и те же пели. Мотив... ну... можно сказать... ну было различие. Три километра деревня от деревни. В Овстух’е по одному вели хоровод, в Речице – по-другому. Речица как-то вот поинтереснее. Под рукой, цеплялись и *петлей*. *Петлей* и вперед. В Речице обязательно мужчина заводил хоровод. Я не мог понять, почему мужчина. Мужчина – потому что там надо было тащить такой длиннющий хоровод через всю деревню. Вот именно *тащить*, *заворачивать* это все. Бабули не могут же объяснить, почему так. Как стали сами водить – я понял, ког-

да последний раз делали хоровод на Деснянском фестивале. Мы этим хороводом шли по всей улице к месту завивания березки.

А в Овстух’е они вот так вот шли. Одна впереди. Всех ведет за руки. Последняя догоняла, отставивалась напротив первой, и так шесть или семь строчек, и заново начинали. Люди выходили из домов, присоединялись к этому хороводу. И это была, конечно, красота. Обычно на тон-полтора выше приходили к концу песни. Во всех песнях идет тенденция к повышению. Внутри песни на тон... не на тон, нет. В юго-западных выше пели. Еще выше пели. Мы, северные, – замороженные, наверно, такие. Вот там – очень. Когда *Красную Х’ору* слушал, там вообще в свист переходит. Когда в массе – все гудит, свистит. Резонатор в головник и грудной.

В Овстух’е была одна бабуля – Жуканова Нина Михайловна. Вряд ли спеть сможет. Она уже очень старенькая, ей под 90 уже. Вот она хорошо пела. В Клетнянском районе тоже есть коллектив в селе Лутна».

Мы привели наиболее интересные отрывки из беседы с Иваном Михайловичем Булаткиным, по нашему мнению, отражающие очень важный – тембровый – компонент обрядового комплекса. В заключение подчеркнем, что удивительно *звучащая тишина* брянских лесов до сих пор потаенно несет мудрость, высшее знание восточнославянских предков: прячет миражи сакральных действий, раскрывая их лишь на мгновение обряда. Это и позволяет прикоснуться к одной из неповторимых традиций – песенному наследию западнорусского Полесья.

Литература и примечания

1. Ляленкова Вера Ивановна (1928 г. р.). Переселена в г. Брянск из дер. Рёвны (Карачевский р-н).
2. Знаком *х’* в своей полевой записи мы обозначаем очень мягкое (с придыханием) произношение фрикативного [г].
3. Булаткин Иван Михайлович (1964 г. р.) проживает в пос. Небольсинском Жуковского р-на Брянской обл. Родом из с. Высокое Жирятинского р-на. Руководимый им народный семейный фольклорный ансамбль «Горошины» – лауреат Премии Правительства РФ «Душа России» (2010), обладатель наград международных, всероссийских, региональных, областных конкурсов и фестивалей: «Традиция» (Великий Новгород); «Семья России» (Смоленск); «Наследники традиций», «Вся Россия» (Москва) и др. Иван Михайлович работает ведущим методистом по фольклору (областной методический центр «Народное творчество»), является членом Совета по культуре при губернаторе Брянской области, художественным руководителем Ржаницкого поселенческого дома культуры.

L. A. MNATSAKANYAN. SOUNDING SILENCE OF BRYANSK FORESTS (On the material of the musical and ethnographic expedition of 2012)

The interpretation of some tape recordings of the talk with the representatives of the Eastern Slavs' culture from western Polesie – Bryansk is presented in the article. This interpretation allows to consider the timbre as a deep, multi-parameter and multi-level phenomenon.

Key words: Bryansk, rite, sacred space, timbre, articulation.